

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВА

Всячина Сборник стихов

А ТАКЖЕ РАССКАЗОВ, СКАЗОК
И НЕСКАЗОК

Ольга Васильева

**Всячина. Сборник стихов, а также
рассказов, сказок и НЕсказок**

«Издательские решения»

Васильева О.

Всячина. Сборник стихов, а также рассказов, сказок и НЕсказок /
О. Васильева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933892-1

Несколько историй о жизни, о любви и не только. В стихах, рассказах и сказках. Эта книга, на самом деле, о любви: любви счастливой и не очень. О надеждах: сбывшихся или не совсем. О том, что бывает на самом деле и о чем только хочется мечтать. О том, что невозможно, и все-таки, жизнь человеческая так огромна, так богата, что в ней может произойти все. Даже невозможное.

ISBN 978-5-44-933892-1

© Васильева О.
© Издательские решения

Содержание

История первая	6
История вторая	15
Часть 1	16
Часть 2	22
Часть 3	24
Часть 4	27
Часть 5	30
Часть 6	33
Часть 7	38
Часть 8	43
История третья	45
Глава 1	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Всячина

Сборник стихов, а также рассказов, сказок и НЕсказок

Ольга Васильева

© Ольга Васильева, 2018

ISBN 978-5-4493-3892-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У нежности моей – твоё лицо.
Твои ресницы. Взгляд. Твое молчанье.
Дождем полито старое крыльцо.
Сиренью пахнет – остро, как печалью.
У радости моей – твоё лицо.
Всей жизни оказалось мало, чтобы
Дойти к тебе. И быть таким глупцом —
Любить без опасений и без злобы.
И без оглядок на постылых дур,
На шепоток, как дымом, за спиною.
На наглый и придирчивый прищур:
Мол, что ты в ней одной нашел такое...
У счастья моего – твоё лицо.
Усталый взгляд родной, до боли милый.
Боюсь лишь, жизнь разъединит кольцо,
Которым нас с тобою обручила.
У нежности моей твоё лицо...

История первая

Странная. ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРОГО Я ЛЮБЛЮ

*...Так случилось, так произошло, что все мои стихи, рассказы написаны о Вас.
И Вы – знаете это...
Мы с Вами не говорим о любви
Мы вообще, редко произносим это слово.
Когда есть такая близость, не нужно облекать Это в слова – незачем.
В словах чувство мелькает, словно его пытаются приручить, приземлить, чтобы было
легче достать рукой – недостижимое.
Оно есть только – в изменившемся вдруг голосе Вашем.
В нежности, которую Вы, верно, и сами не замечаете...
Это все написано – о Вас.
И – обо мне.*

Я тебя сквозь ночную вселенную
Слышу!
Через павшие и невзошедшие звезды.
Ты молчишь, и навстречу мне трудно
Дышишь.
Понимая, что это совсем серьезно.

Как болезнь, как простуда – зимой
Вечной.
Как судьба – непреклонно и ясно. Как небо.
Как прожить нам с такою болезнью
Сердечной.

Не уйти, не забыть, словно этого не было.

Слышу мысли твои. Прикасаюсь я тихо
Лишь четыре шага, по пространству – и рядом.
Но тут скажет нам кто-то: «Скорее, Ваш выход!»
И ко входу уже не вернуться обратно.

Я тебя через все расстояния – слышу!
Кожей чувствую жар твоего дыхания...
Говорят, уже поздно и время все вышло...
А зима нынче будет суровой и ранней...

Потому что пришли Вы – и началась новая, другая жизнь. Нет, не так... Началась Жизнь, в которой я Непокойна. Не уверена.

В которой я не имею права на леность души, сердца, ума.

Потому что – Вы.

Я не могу, не смею подвести Вас, обмануть – оказаться хоть немного не той, с кем Вы хотите говорить, слушать, видеть.

Это – та высота, упав с которой можно разбиться – совсем. То есть – потерять себя. Вас...

Я его без памяти люблю...
Бесконечно, солнечно и нежно
Сумасшедше, грустно, безнадежно...
Я его без памяти люблю!

Я его без памяти люблю...
Жизнью оплачу я это чувство!
Уберечь себя – забыто мной
искусство.
Я его без памяти люблю.

Я его без памяти люблю...
Пусть потом грозит беда потери,
Ни во что теперь я не поверю!
Я его без памяти люблю!

С Вами в мою жизнь пришли и радость, и смысл, и интерес к этой самой жизни.

И всякий раз – волнение: а дотянусь ли я до Вас словом, вздохом...

Будет ли снова между нами то Понимание, когда я закрываю глаза и чувствую Ваше теплое дыхание. И душа Ваша касается моей.

И ночь становится такой короткой, и Ваш смех звучит нежно и взволнованно. Как часто так бывает, как редки такие минуты!

И как они дороги...

Не рубите плеча —
Будут просто дрова.

Будет просто очаг,
И чужие слова,
Тяжесть капель в глазах,
Покачнувшийся свет.
Кто-то что-то сказал,
Дверью хлопнул – привет.
Точно филин, не спит
В ночь таращит глаза.
В неразбавленный спирт,
Тот, кто это сказал.

*Неужели Вы не чувствуете, неужели же мне только показалось, что мы дышим, думаем
в унисон...*

И эта неуверенность сжигает душу дотла.

Аутодафе

Я знаю, на что иду.
И душу сожгу в любви.
На площади толпы ждут —
Ты молча благословишь
Идти на костер. Пылать,
Как факел. И на ветру
Мне только одно желать:
Подольше гореть костру...

Сантименты нас нынче не тронут:
Мы с тобою воюем с судьбою.
Происходит и в нашей Вероне
Что-то. Что добывается с боем.

Добывается кровью, слезами.
И бесслезными злыми ночами
Ты собою – как будто бы, занят
И на письма мне не отвечаешь.

Мы слепили свои расстоянья
Из разлуки. Из разности вычли
Опыт жизни. А память буянит —
Надоевшая старая притча

Нам запомнилась. Больно. И ранит
Шпагой ржавою. Снова и снова.
И стакана немые грани
Ядом вермут окрасят. До крови.

*Иногда дни тянутся бессмысленно и пишутся тоскливые и пошлые строки – потому
что без Вас...*

*Я не чувствую Вас нынче рядом – и все волшебство пропадает.
Нет, я не могу и не хочу быть такой – для Вас.
Мне не жалость Ваша нужна, а – больше. Намного.
Я должна, обязана жить своей жизнью – хотя бы просто для того, чтоб не стать
Вашим отражением.
А кому же интересно собственное отражение...*

В небе первая встала звезда.
Три секунды – полет в никуда,
И гудят над землей провода,
Непривычные к нежным словам —
Это Вам!

Вам – бессонный сегодня рассвет.
Проливает свой призрачный свет
В законный Ваш сад. И едва
Розовеют травы острова —
Это Вам!

Вам – стихи и мечты, и слова.
И все песни, конечно, для Вас.
И пускай я опять неправа,
Раз посмела о Вас тосковать...
Это – Вам.

*Ездила во Францию
В Париже так вспомнились Вы...
Смешно, но Париж оказался до боли похожим на Питер – такие же улицы, скверы,
садики, толпа прохожих.
И очень уютным, каким-то своим, близким.
Напишу про Париж – что Вы скажете?
Вот французские деревни и города интересны. Кабачки, завсегдатаи, почему-то часто
с ярким платочком на шее, даже если он в футболке. Полная нарядных людей улица – свадьба
у здания мэрии, и девочка в розовом платье убегает из толпы, а ей вслед кричат и догоняют –
пора идти на церемонию.
Уличный театр – кровать с панцирной сеткой стоит прямо на песке скверика. И по тон-
кому канату над ней нарядно-яркий человек.
А Вас нет, нет рядом! И я не могу сказать: Смотрите же!» и рассмеяться вместе
с Вами, и быть рядом, а значит – быть счастливой.*

Про Париж

Косым дождем расчерчен Нотр-Дам.
Толпа цветных зонтов стоит у входа,
И, несмотря на скверную погоду,
Устроен кем-то маленький скандал:

Подешевели Эйфелевы башни.
С тоскою вспоминая день вчерашний,
Бормочет негр, сиреневый фингал
Цветет, как будто куст рододендрона.
Зимой и летом он всегда зеленый
И злой, как негр. Кого-то он ругал,
Туристов на подъемнике пугал,
И длиннохвостой очереди оптом
Настойчиво он скидки предлагал.
И слышался многоязычный шепот.
А город независимых людей —
(а может, просто очень одиноких)
Париж шумел, сидел клошар убогий,
Как у Гюго. Покинутых сердец
В Париже оказалось очень много.

Парижское

Фонари заглянули в витрины,
И остались при них до рассвета.
И луны яркий цвет мандаринный
Разукрасил обрывки газеты.
Нам расстаться сейчас невозможно.
Не уйти, и сплетенные пальцы
Не разжать. А разлуки дорожной
Путь почти уже вышит на пальцах.
Я согрею холодной щекою
Твои жаркие скорые руки.
И дыхание твоё так щекотно,
И «люблю» прозвучит – не по-русски...

С тобой и без тебя

Поцелуй через стойку,
И вино в большом бокале.
Он, как видно, очень стойкий,
Господин в платочке алом.
Во французском старом баре.
Где не курят сигареты,
Бард играет на гитаре
И французские куплеты.
Он поет. Совсем по-русски —
Просто что-то напевает.
Бар старинный, словно остров,
Уплывает, уплывает.
Кто-то кофе пьет за стойкой,
Кто-то, чертыхаясь, вышел
Покурить. И запах стойкий
Табака плывет под крышу.

Балок черных перекрестки,
Потолок – как будто ниже.
Как, наверное, непросто
Быть с тобой вдвоем – в Париже.

С тобой

И я с тобой летаю по ночам.
Не надо ничего мне отвечать.
Не надо ничего мне говорить
Про мною неувиденный Париж.
Он – просто город, а не волшебство
Без голоса родного твоего.
И пусто я бродила там одна.
Французские услышав имена,
Я повторяла – только ты! Всегда.
Во всех на свете синих городах.
И снова я летаю по ночам,
И так легко с тобой опять молчать.
И спорить, и смеяться, говорить
Пока все не погасли фонари,
Пока уйдет линиялая луна.
И я опять тобой пьяным-пьяна...

Нормандия, деревушка у моря

Море здесь – главное. Все начинается с него и с ним связано.

Оно шумит ночью, отражает луну светлой дорожкой, а на рассвете сверкает всеми оттенками голубого сквозь туман, а длинная-предлинная волна тянет лодки с уловом.

Рыбаки сворачивают сети на берегу, кладут в большой ящик, а маленький красный трактор тянет серые лодки куда-то далеко, отдыхать.

Маленький рынок тут же, на берегу.

Жители покупают у рыбаков еще живых морских жителей: и крабов, и омаров, и рыб – больших и маленьких, которым я не знаю названия. И конечно же, устриц в серо-зеленых раковинах.

Моя гостиничная хозяйка тоже тут, громко и весело то ли торчует, то ли болтает с рыбаками.

Вообще, все здесь говорят так, словно они давно и хорошо друг с другом знакомы. И даже с постояльцами отелей. А может, так оно и есть? Все просты и дружелюбны, и веселы. Наверное, это все море – так просто, чисто и ясно здесь живут, говорят, думают, открыто и легко смеются.

На завтрак, конечно же, круассаны, кофе и джем.

И снова – все, все чудеса этого утра – без Вас...

Душа переполнена впечатлениями, красками. Как обидно только, что так много всего – мне одной.

Ах, как же жаль, что Вас нет рядом...

Балерина на помеле

Во французском задумчивом доме,
Крытом старой и серой соломой
Тихо ходики простучали.
Было пыльно, немного печально
Заоконною ночью. Молчальник —
Изогнулся фонарь — неслучайно.
Он в окошко глядеть не ленился
Кто, зачем и когда будет в Ницце.
Длинноволное море шуршало
И на камешках, будто бы шалость,
Оставляло ажурную пену,
Уходило назад — постепенно.
Пахло йодом и летом. Тобою.
И покряхтывал старым гобоем
На причале натруженный ветер,
Исходивший все страны на свете.
В ресторанчик под старым платаном
Прилетает, исполнена тайны,
Чтоб французский откусать омлет,
Балерина на помеле.

Тебе – французское

По улицам бегут французы,
Держа под мышкой длинный хлеб.
Разрезанным сверкнув арбузом,
Садится солнце. На земле
Темно, спокойно. Тихо звякнул
На церкви колокол. Пора.
И в маленьком кафе под вязом
Забыты, видимо с утра,
Лежат перчатки на окошке.
Хозяин гасит свет. Один
Упрямо возле барной стойки
Сидит какой-то господин.
Хмельной, но было бы жестоко
Его уйти заставить. Только
Сидит он хмур и нелюдим.
И ничего не скажет толком.
Совсем, как ты мне — иногда,
Не говоришь ни нет, ни да.
Ступая по веревке тонкой.

Деревня, темные дома, церковь без огней, напротив здания мэрии

И дом, в котором я живу – старый, с толстыми стенами и заколоченной досками мансардой – видно только пыльное, все в толстой паутине, окно. Окна маленькие, заставлены цветочными горшками с гераньками, зеленые ставни прикрыты.

А в спальне окно до полу, с решетчатой ставней – настезь, прямо в душную, мягкую и темную ночь. И звезды – огромные, яркие – каких не бывает.

Почему-то совсем не страшно вот так, с распахнутой в садик дверь. Эта бархатно-мягкая темнота уютна, тепла. И я произношу вслух Ваше имя...

Услышите ли...

Долетит ли до Вас...

Как я Вас жду

Как я Вас жду! Французской стороне
Не снилась эта боль и эта мука.
Назойлива она, как будто муха
Осенняя. Глуха и близорука.
И виден лишь один мне свет в окне
В старинном доме. В маленьком окошке,
Решеткой забранном. С гардиною в горошек,
С геранями и с тенью на стене.
Я так Вас жду у этого окна,
Что замерла чужая сторона!
Что звуки вдруг замерзли в летний день.
И треснула подкова у дверей.
Упала на пол, словно акварель
С гвоздя сорвалась. Видно, набекрень
Была повешена. Поспешно. Второпях.
И двери нынче снова закрипят.
И нашей неисполненной любви
Вам не забыть, мне – не остановить.

Недописанное письмо

Я слышала: звезды, сгорая в темноте, исполняют желания.
Говорят, все. Даже самые невозможные.

Например, ты однажды поймешь, что любишь меня.
Однажды ты перестанешь таиться от себя самого. Однажды...
Ты обернешься и скажешь себе: «Я все это время любил ее.»
И ты не сможешь спать.
Ты поедешь на своей большой машине, куда глаза глядят.
В лес, где под ногами с шипением уползает змея.
Где в прозрачной реке рыбы прыгают из воды и сверкают под звездами своими серебряными телами. Как будто, они тоже становятся звездами.
Но тебе будет все равно.
И ты глотнешь горького пива из бутылки, затянешься сигаретой.
И чертыхнешься – ты забыл о ней и, сгорая, она обожгла тебе пальцы. И окурочек улетит в серебряную воду, полную звезд. И рыб. И тихих растений. Тихих и черных в черной воде.
А ты будешь стоять на берегу и смотреть себе в душу, стараясь разглядеть там любовь.
О которой столько лет ты не хотел думать.

А, оказалось, она есть, и болит, и мешает жить – без нее.
И теперь непонятно, как же быть с этим знанием...
Лучше б ты этого никогда не знал!

И потому я никогда не загадаю на ту самую падающую звезду.
И никогда не скажу тебе, что все эти годы ты тоже меня любил.

Вы на мгновенье потеряли голову
И лунный свет, расплавленный, как олово,
Лег на постель – несмятую, раскрытую.
Вам повезло, а мне – считать открытием.
Давно без Вас живу, себя не помня я.
А Вы меня тогда так и не поняли.
Вы думали, пройдет – ненастоящее.
Монетка мелкая нашлась – блестящая.
Вам повезло – не потеряли голову.
Легко ушли, легко шепнув: «До скорого!»

Ты улыбнешься: женский жалкий лепет,
Все о любви. С тобою вместе лепим
Те образы, которых не достать
Рукой. Наверно, ты уже устал
И прятаться, и снова возвращаться,
Подолгу говорить со мной о счастье,
Смеяться и любить – издалека.
Орехи из пожарища таскать
Чужой рукой. Так легче. И удобней.
Чужая рана не болит. Недобрый,
Неласковый был брошен кем-то взгляд.
Как сглазили, – в народе говорят.
И о любви – как невозможном счастье —
Забудем. Ты к нему был не причастен.

История вторая невероятная. ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

С.К. посвящаю

Все оставить для непрожитой любви
И ушедшие часы остановить,
Но руки твоей коснуться – и пропасть.
Без тебя прожить полвека – это казнь.
Поле поперек пройти и соли съесть,
Может, пуд, а может, целых шесть.
Чтоб потом тебя узнать – издалека.
Без тебя дышать полвека – это казнь...

Часть 1

Они встретились осенью.

На дворе стояла заграничная теплая и нескончаемая осень, которая никогда не перейдет в зиму, потому что здесь и снега-то не будет. А если и упадет немного, то растает через несколько часов, и снова будет зеленая трава и опавшие листья – те, что не успели убрать.

Осень наступила и в их жизни – каждому из них должно было вот-вот стукнуть по пятьдесят – прекрасный осенний возраст, когда уже свободен от опеки над детьми, еще не очень обременен внуками, и есть еще силы помечтать.

А началась история с беседы об оперетте, которую оба любили. Вот и разговорились два случайных человека на одном из Интернет-форумов. Потом – еще раз. Потом... Захотелось поделиться с далеким, но уже не посторонним человеком своими сложностями, именно Ему рассказать. Казалось, Он поймет, Он сможет найти именно то, единственно верное слово, что поможет и поддержит.

Он понял... И прислал Ей письмо, полное участия и тревоги:

«...Война – это не просто страшно. Это **ОЧЕНЬ** страшно. И когда пуля снайпера, пролетевшая мимо твоей головы, когда ты в ночной тиши раскуривал папироску, вырывает из твоего указательного пальца изрядный кусок мяса (он у меня с тех пор до конца не разгибается) – это очень больно. И когда разорвавшаяся граната из подствольника разносит по сторонам останки человека, с которым ты только что беседовал, который говорил, **ЧТО КАК ХОРОШО БУДЕТ**,

когда это все через 2 недели для него кончится и он приедет домой с пачкой денег и купит себе «тойоту»... Это тоже трудно забыть.

Можно помереть сейчас, в течение ближайших 9 месяцев. А можно через 10 лет, в уютной больнице. Но, поверьте мне, через 10 лет в больнице – лучше, нежели через 9 месяцев от очереди из калаша какого-нибудь негра. А ведь может статься и так, что очередь пройдет, к примеру, по ногам. А на войне не принято как-то оставлять раненых умирать. Особенно в тех войнах, которые идут не на территории бывшего СССР-ра. И можно остаться инвалидом, но намного раньше, ибо раненых лечат.

Это я не пугаю. Это я размышляю вслух. Я все это знаю не по телевизору и имею полное право рассказать вам и об этом.

А насчет характера – вся моя жизнь – сплошная авантюра. Я не знаю, почему – пес его знает, но моя авантюра, называемая жизнью, или жизнь, называемая авантюрой, продолжается до сих пор, хотя и не с той уже интенсивностью и с ГОРАЗДО меньшим риском для жизни. Это первое.

Второе. Вы здорово влипли – мне будет вас не хватать, если с вами что-нибудь случится. А если мне чего-то или кого-то не хватает, я чувствую, что надо срочно что-нибудь сделать, чтобы этого не случилось.

Я не знаю, что будет завтра и как оно будет завтра. Меня, как сказали лекаря, с моим характером и моим полухиппианским образом жизни, может трахнуть в любой момент. Если, конечно, я не перестану делать то, что я люблю. А люблю я работать до полной потери пульса, если пришла в голову какая-то идея, люблю рисовать далеко за полночь, перед этим пропахав на прямом эфире и звонками по телефону (а это та еще работенка – главреж после нее меняет, пardon, подштанники), люблю кофе, сигары и писать письма.

А если с вами случится что-то непоправимое? Кому я тогда буду писать письма?

На деревню дедушке? Константину Макарычу?

Поверьте мне – ТАКИХ писем я никогда никому не писал. Это когда они пишутся сами, когда слова льются, как мягкий воздушный поток, подхватывающий слова-лепестки и несущий их в светлую даль. Почему в светлую? Да потому, что я знаю, что опустятся они в мягкую и нежную руку, которая их примет с благодарностью...

А вы говорите – лучше сразу. А вы говорите – Афганистан.

Там, между прочим, стреляют, о чем я писал выше. А могут ведь и не туда попасть. И станет еще хуже... впрочем, я повторяюсь...

Не дано человеку распоряжаться собственной судьбой, хотя он думает, что это он делает сам. Неправда это. Человек предполаг, а бог располаг – так в старину говорили. И не ешьте себя – это невкусно. Скушайте лучше пирожок с абрикосами, и запейте ароматным чаем.

Тут, кстати, чай не пьют почти, а то, что продается – веник-веником... И прислушайтесь к своим ощущениям в этот момент. А потом перечитайте это письмо сначала, и сравните эти ощущения.

Это я не ругаюсь. Это я за вас переживаю. А мне сейчас волноваться нельзя.

Хотя как можно за вас не волноваться...

Пирожки с абрикосами, поверьте мне, лучше пуль, грязи, боли и ненависти...»

И – все.

Потом, конечно же, были еще и еще письма. Исповеди, споры, размышления его, ее воспоминания...

Знаете ли вы, что такое – быть бесконечно, безоблачно, без границ счастливым?

Чтоб смеяться оттого, что сердце полно Им, что Он есть в этом мире.

И что Он – вот такой. Как никогда, даже в юности, не мечталось, потому что..так не бывает. Потому что – страшно мечтать о том, что несбыточно.

И вот... бывает. Все возможно.

И счастье – пьянящее, сводящее с ума – бывает.

Бывает Любовь до забвения себя. Бывает Нежность без границ...

Нужно только поверить и осмелиться...

И полюбить.

Одна тень омрачала это сумасшедшее счастье: Он был болен, отказывало сердце... Предстояли операции, долгое лечение.

Он звал Ее своим Ангелом-хранителем – за то, что от Ее писем, Ее нежности, казалось, и боль уходила, и дышать становилось легче...

И от Ее сказок, что писались только для Него.

Сказок о жизни, о любви, о Нем и о Ней.

Сказок, написанных для двоих.

«Я перечитал ваши письма. Все-все. От начала и до конца. И свои тоже. Знаете, еще месяц-другой, и у нас с вами получится замечательная книга. О двух людях, которые встретили друг друга в трудную минуту. И как это здорово помогло этим двум людям эту трудную минуту пережить. Пишем мы оба весьма неплохо. И я с удовольствием отметил, что ваши письма с каждым разом все менее и менее проникнуты всякими нехорошими настроениями. И я рад, что это так!»

«Это снова я...

И пишу вам. Потому, что мне плохо. Видно, лекаря недосмотрели что-то.

Письма. Они бывают разные. Веселые. Грустные. Бессмысленные. Исполненные глубокого смысла. Задумчивые. Беззаботные.

Но у всех этих писем есть одна особенность.

Письма всегда приходят. И уходят. Как люди. Поэтому они живые, письма. Это наше отражение. Наше второе «я».

И вот мое второе «я» (нет, это не шизофрения, в каждом из нас живут порою по несколько человек, разных в разные моменты времени жизни), почему-то решило пойти к вам.

В гости.

Когда человеку плохо, ему всегда кто-нибудь нужен. Просто, чтобы сказать, что ему плохо.

А я вот пришел сказать об этом вам. Я не буду описывать своего самочувствия – это скучно и неинтересно, да к тому же и не хочется про это думать. Сегодняшний случай – тому подтверждение.

А так еще хочется жить! Хоть тушкой, хоть чучелом, но жить!

До встречи, мой Ангел-хранитель. Я сегодня вряд ли усну...»

Облака летят через луну

Ветер подстегнул их, словно кнут.

Скоро будет дождь. Грибной. С утра.

И тебе уже – пора. Пора. Пора...

От меня уйти в свою – чужую – жизнь.
Узелок на память завяжи,
Чтоб не забывать. Назад прийти.
Рядом быть, болтать, о чем хотим,
До утра. До первой синевы.
Чтоб опять – пора. Длинны, кривы
Все твои дороги, что ко мне.
Так трудны, как будто слово: Нет...

Теперь она писала ему веселые письма, подбадривала и успокаивала. Возможно, он – мужественный человек, и не нуждался в этом. Но КАК же ей хотелось, чтоб – нуждался.

Чтоб – ждал и помнил...

Низачем. Просто так. Человек, которого даже лица она никогда не видела.

Который никогда не видел ее. Но и это было неважно.

Потому что оба уже ожидали писем с нетерпением, они начали становиться необходимо-стью. Уже не нужно было ждать ответа, чтоб обменяться письмами.

Потому что стало привычкой писать обо всем, что вдруг – вот сейчас – подумалось, случилось – или неслучилось.

И однажды, когда боль совсем измучила его, она написала ему сказку.

О них. О Художнике и Даме.

Я совсем забыла сказать: ведь он был художник.

Нет, не так. Не художник, а Художник... и в душе, и в жизни, и на холсте...

«Мой дорогой друг!

Вы не спали всю ночь, такая сильная боль? Похоже, и я уже не помогаю. А я так хотела!

Ну что бы мне такое сделать, чтоб вам стало легче?

Давайте я вам расскажу о том, как в один прекрасный день (или ночь, неважно!)), встретились между звезд двое. Немолодая дама с потертой судьбой и молодой красивый художник, немного хипповатый, как он говорит...

Почему, между звезд?

Так, а где же еще может проходить Интернет-сеть?! Там она, между Большой и Малой Медведицами. Извините за избитые названия созвездий, мне других на небе просто не найти, а без очков я вижу только Полярную звезду в ясную ночь...)

Они жили так далеко, что только сердцем могли увидеть друг друга.

И Он нарисовал для них другой мир – звездный.

Он рисовал так хорошо, что звезды стали настоящими, океан неба заплескал волнами вокруг розового, старого и горбатого лунного мостика, а сам мостик оказался крепким, как и полагается старому камню.

Там были звездные полянки, усыпанные лепестками сказанных и несказанных слов, молочные туманы близости, прячущие от посторонних глаз то, что предназначено только для двоих.

Там звучала музыка. Конечно же, это была испанская музыка – страстная и томная, открытая и таинственная, нежная и туманящая голову.

Она звучала так тихо, что ее слышало лишь сердце, и так громко, что ее нельзя было не услышать.

Там можно было рассказать всю жизнь одной лишь улыбкой иронии над прошедшими в хлопотах о Ненужном, годах.

Можно задать самый важный вопрос другу всего лишь движением ресниц.

И получить ответ, прочитав его в глубине глаз.

Там можно было не опасаться Непонимания, глухоты душевной.

Того, что ранит нас больше всего, потому что именно близкие люди наносят нам самые глубокие и долго не заживающие раны.

Тогда нам приходится защищать движения своей души потоком суетливых слов.

И уходит прекрасное чувство единения, близости без предела, которое в самом начале так хотелось назвать любовью...

Но всегда случается так, что из двоих неизмеримо больше страдает тот, кто сильнее, душевно тоньше, чувствует острее...

Потому, что он понимает то, что не может и не хочет понять другой. Мешает глухота душевная, да и уж очень некомфортно жить с обнаженной душой.

А, чтоб доверить свою душу другому, нужны сила и мужество, и смелость Полюбить...

Вот где высочайший риск в жизни – довериться Любви полностью, открыться до конца...

Забыть себя.

Та самая Истина, для которой компромиссов – нет!

Но я снова ушла от моей сказки...

И вот, каждый вечер, когда все домашние уходили отдыхать и заниматься своими делами, смотреть телевизор или болтать по телефону, включался компьютер, Интернет... и приходила сказка.

Та самая, которую Он нарисовал, не жалея души и сердца.

И Она снова бежала к Нему по лунному мостику.

Бежала, неся Ему все самое важное и дорогое, что произошло за день – мысли о Нем – и жизни, нежные улыбки и тонкие впечатления души: от упавших на землю золотых листьев, которые сегодня было жалко убирать – так славно они пахли осенью, надеждой, теплом. О том, что вот, взгляну на небо, уже неяркое, и подумаю: «Он!»

Там, где-то под этим же небом. Новая музыка пришла – рассказать Ему. Все самое прекрасное – для Него.

Она встречала его на мостике, смотрела в Его глаза, и каждый раз испытывала такое острое счастье, до слез!

Потому что Он понимал и принимал все.

Она доверчиво протягивала Ему ладони, полные сверкающих камней уже известных и новых истин.

И Он радовался Ее радости и удивлялся вместе с Ней, и приносил ей свои впечатления дня, жизни, звуков.

Они говорили взахлеб, перебивая друг друга, и молчали, слушая музыку сердец.

Просто потому, что им было хорошо вместе.

Там, на старом звездном мостике.

Вот и все.

Вы скажете: «Нет, как все?! А чем же закончилась эта сказка?»

А она и не закончилась, мой друг.

Она только начинается.

– А что же стало с художником и дамой?

Ох, ну вот это трудно сказать.

Кто-то шепнул мне, что они и теперь встречаются на своем звездном мостике.

Конечно, они до сих пор вместе, мой любопытный друг.

Каждый вечер. И каждую минуту.

Потому, что ненастоящие чувства не смогли бы создать целый мир для двоих.

И подарить его друг другу.

На счастье.

Извините, такая картина.

Неприглядно? Тоска. Паутина.

И ступенек посчитанных ряд

И вернуться не хочется. Зря.

Там высокие темные стены

За окном. И сырые постели.

Потемнело на крыше окно.

Видно ночь наступила. И вновь

Все безлюдно, безмолвно, спокойно.

Даже кошка крадется тихонько.

Прилетает летучая мышь

Значит, стекла придется помыть.

Долго ждется ленивое утро.

Говорят, что оно будет мудрым.

Мудренее, чем вечер. Опять

Целый день у окна ожидать

Вас. Простите – такая картина

Бесприютно. Тоска. Паутина.

Оказалось – нет жизни без Вас,

Как на Марсе. Придете сейчас?

Часть 2

«...я начал писать картину по вашему последнему письму. не знаю пока, что получится – у меня синяя, желтая и черная акварель остались. Если получится – обязательно пришлю. Как иллюстрацию. И вообще, последнее письмо – это нечто большее, нежели письмо.

Вам надо писать книги. У вас получится. Мне ОЧЕНЬ понравилось.

Очень. Понравилось.

Я все-таки надеюсь на лучшее. На то, что у меня там все прирастет, как надо. И на то, что мы встретимся еще и еще. Это будет обязательно. По-другому просто не может быть, ибо так быть должно.

Ну все, заканчиваю. Хотя пишу, и не могу остановиться. Не могу. Пусть у вас все будет хорошо. Очень хорошо. Отлично. Я очень этого хочу. А если я чего-нибудь очень хочу – оно обычно сбывается. Спокойной вам ночи, и добрых дней. Много. Впереди....»

«...Так вот среди этих звезд, мой милый друг, в этом самом Интернете я вас встретила всего несколько недель назад. А точнее, три. И черт знает, как меня к вам швырнуло навстречу, да так, что вот не могу остановиться, все бегу и бегу. И вас вижу, там, на звездочке. Всегда готовым удержать меня.

Ну какие там житейские дела могут быть на звездах Интернета... одни романсы, которые я с удовольствием слушаю. И Мораес.

И вы...

Все ваши слова, ваши письма, они такие нежные и бережные, что в горле перехватывает, когда я их читаю. Страшно становится, что кто-то еще мог бы их увидеть. Это как шершавыми и грубыми, грязными руками схватили за сердце, хрупкое и нежное.

Мне хочется уберечь вас, ваши слова, от всех этих житейских дел. Взять в ладони их, как лепестки, и держать нежно, едва касаясь.

Потому что это – вы. Ваши слова, ваша музыка. Ваша нежная душа.

Как так могло быть, чтобы вы, с вашим тонким и нежным сердцем, могли пройти через столько бед! Сколько же вам сил понадобилось, чтобы себя сберечь, не осволочиться и не озлобиться.

А остаться таким, как вы есть...

Я восхищаюсь вашей силой, мой друг.

И чистотой.

Я ведь понимаю, вы были там, где и грязь, и кровь, и пьянь, и животная тупая жестокость, вы смотрели в глаза убийцам, вы видели торжествующее быдло, наглое и властное.

Вы все это прошли.

Как же так получилось, что ни частичка этой гадости к вам не прилипла.

И что вы верите в жизнь, что сердце у вас открытое, что готовы все людям отдать... тем, кто даже и не сможет оценить и понять.

А вы все же отдаете. Полной рукой.

Вы удивительный, мой друг.

Мне очень хотелось вам это сказать...»

«С трудом удержался я от соблазна плюнуть на все и плюхнуться в море, невзирая на 12 градусов температуры воздуха и ветер. Да еще была моя любимая волна – я кувыркаться в них люблю. Помнится, в прошлом году, когда фейерверки смотреть ходили – а они как раз на пляже – был шторм. Волны – метра три. Так я залез в воду, и смотрел оттуда фейерверки. А меня еще на волнах подкидывает – красота! Правда, когда я выскочил из очередного девя-

того вала – не заметил следующего. Ну, меня на этом валу на берег выкинуло. И так о берег садануло, что выбил палец из сустава... До сих пор сустав болит, однако...

Я очень устал и чувствую себя неважно. Посему, шлю вам набросок, называемый «Солнышко». Там все понятно...»

Асфальт закипел под широким дождем
Ступая под зонтиком смело по лужам
Нечаянно рядом с собой обнаружу
Я Вашу улыбку. Вдвоем переждем
Под крышей до солнца. Трамвай на углу.
И снова по лужам вдвоем зашагаем,
И брызнет вода под моими ногами,
И солнечный зайчик бежит по стеклу.

Все это привиделось мне не случайно —
Я просто по Вам тосковала отчаянно.

Часть 3

«Я не хочу ни думать, ни знать, что и как будет дальше.

Увижу ли я Вас когда-либо в жизни. И как долго мы будем вот так вместе, как сейчас. Даже это не так важно.

Важно, что Вы – есть!

Что я знаю это. Что мы встретились. И даже больше – я Вам бываю нужна.

И могу писать Вам письма, и получать ответ...»

«...Меня выпустили. Наконец-то. Я только что включил бук, а там – много-много писем! Это так здорово! Я их еще не читал, буду читать потом, когда меня, наконец, уложат на место и выдадут положенное. А сейчас просто хочу сказать, что все в порядке, еще неделю мне не велено даже ходить (это мне-то), и семейство строго за этим будет следить. Но лежать с буком на брюхе мне можно. Что я и буду делать, начиная с сегодняшнего вечера. А сейчас мне велено спать. Придется спать. Это входит в лечение. Хотя мне оно решительно не нравится, это занятие – спать.

А за окном – хмурь и дождик. Но это так прекрасно, когда ты видишь и хмурь, и дождик, и осознаешь, что ты – живой. Остальное – неважно. Ибо, когда меня привезли в клинику, я уже видел... Но про это – потом. Главное, что есть вы, есть ваши письма, есть все, и все это вокруг – прекрасно!...»

«...Лежите, и спите, и, если вам будет плохо спаться, я вам придумаю еще сказку, договорились?

Специально будет называться: Сказка для непосед.

Чтоб почитали и поспали.

У нас тепло, 24 градуса, солнышко, листья золотые, я сидела сегодня часа полтора на скамейке, и думала о вас. Так славно, мой друг, что можно знать, что вы – есть и думать о вас.

И – спасибо вам за то, что вы не оставили меня. Во все дни вы выполняли свое обещание: были рядом со мной.

Спасибо, что вы есть!...»

«...Я теперь живу по режиму. И так еще минимум неделю. Минимум. А вообще мне дали понять, что если я в течение месяца буду вести себя хорошо, то было бы совсем здорово. А то они на меня обидятся и больше лечить не будут. Так вот.

Но я их не слушаюсь. В части компьютера.

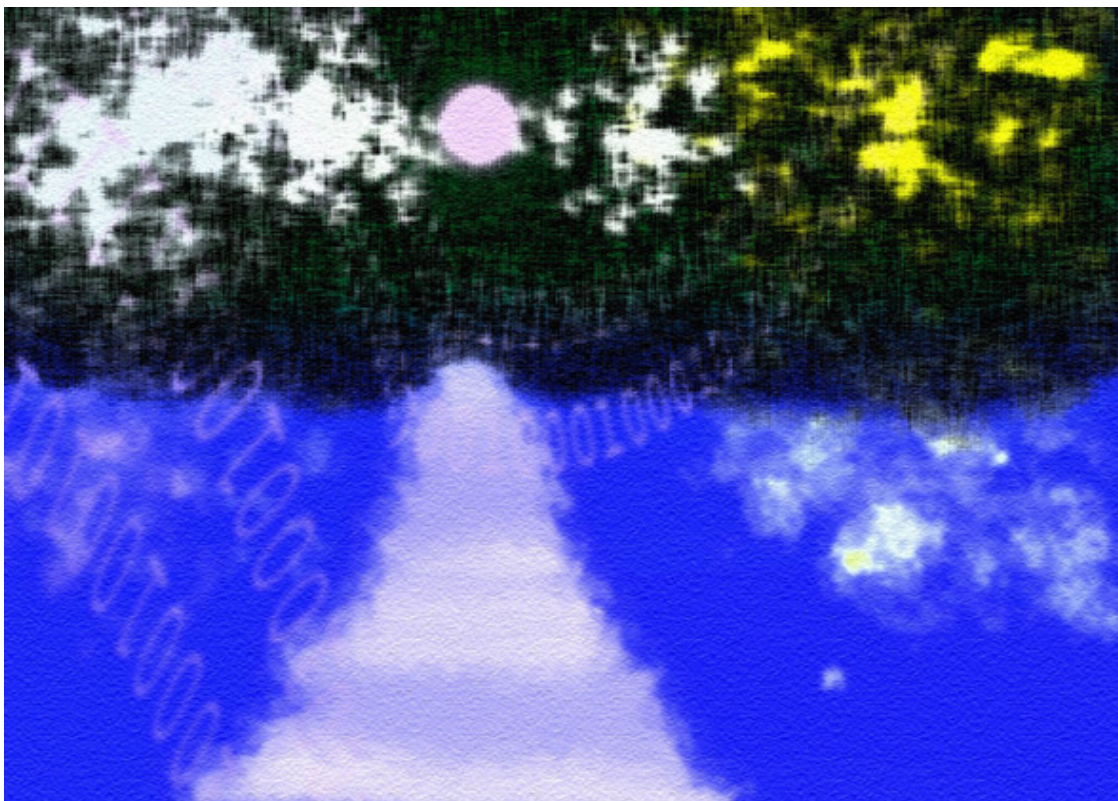
Потому что не могу вам не писать.

Мне надо вам писать. Потому, что мне хочется вам писать. И я буду это делать.

Все, прогоняют. Говорят, надо лежать. Спокойно. Смотреть в потолок или спать.

Но я смотрю в потолок – а там рисуется рисунок моста.

Того самого моста, о котором вы написали. И я его тоже нарисую. А вся наша переписка хранится у меня на буке. Я потом все это соберу в один файл и отправлю вам – вот и будет это наша с вами книга. С картинками...»

«...Мой милый друг, какое же это счастье – писать вам!

И получать от вас ваши милые письма.

И думать о вас...

Вот, теперь я тоже пишу и не могу остановиться. И не хочу.

А ведь я вам прежде не говорила, что мой любимый во все времена писатель – Паустовский. А ваш?

Что же вы любите больше всего, скажите?

Вот так: я люблю осень, черешню, синий цвет, медленно бродить под мелким дождем по питерскому асфальту, картины Куинджи в Русском, поздно ложиться спать и поздно вставать... и еще многое.

А вы?

До свиданья, мой милый друг!

Пожалуйста, лежите, лежите, лежите!

И поправляйтесь.

А я всегда жду вас на нашем мостике.

Кстати, я ведь всего-навсего описала то, что вы нарисовали.

Там лунная дорожка, как мостик, и розовая....»

«...А вы знаете, так здорово по утрам проснуться, а в ящике – письмо. Да еще такое хорошее, доброе. Значительно повышается самочувствие, знаете ли.

Ни рисовать, ни работать мне сейчас не разрешают. Ну да, разбежались... ну кружится голова, ну пальцы по клавишам не попадают, но это ж не повод!

Я очень люблю гулять по лесу. По сосновому. там, где пахнет хвоей и лежат шишки на рыхлой от иголок земле. Здесь есть такое место, и я, когда совсем поправлюсь, обязательно отправлюсь туда гулять. Лес и море – сочетание удивительно успокаивающее и умиротворяющее. Шумят волны, шумят сосны...

Воздух удивительно чистый и свежий. Сядешь на скале на берегу и смотришь. И ощущаешь, как вертится вокруг тебя земля. Особенно ввечеру, когда заходит солнце.

А наш роман еще не написан. Написано только начало, и то немножко.

Мы будем писать его долго-долго. И каждый по-своему. По-моему, получится весьма и весьма неплохо

До скорой встречи. А пишете вы очень даже здорово. Хотя и плохо очиненным карандашом. Но помните – даже плохо очиненным карандашом можно нарисовать шедевр...»

Бесконечно, прекрасно и нежно

Я люблю. Да и черт с ней, с надеждой.

Только – будь! Чтобы знать, что вдали

Ты живешь. И душа заболит

Без тебя. Без улыбки твоей.

Сумасшедшие закрытых дверей —

Нету входа. И выхода – нет

Без тебя. Куча старых монет —

Слов твоих мне, как нищему
брошены.

Нанизаю слова, как горошины,

Как листочки у календаря,

Ни одной чтобы не потерять.

Незаметен в погоде просвет,

Льет с утра, словно выхода нет...

Часть 4

«...Конечно, я была бы рада с вами увидеться. Узнать, какие у вас глаза, улыбка, смех. Руки. Странная вещь, почему-то мне ужасно важным кажется видеть ваши руки. Не знаю, почему...

Если б я сейчас могла бы быть с вами, не знаю, нужны ли были мне слова для разговора. Как-то знаете, когда я смотрю на вас глазами моей души, я вижу, что вы бы поняли все, что я думаю, без слов. И я тоже.

В полной гармонии движений и взглядов.

Удивительное и странное ощущение... вы настолько близки.

Возможно даже, мы когда-нибудь увидимся. Но знаете, сделает ли это нас ближе, не знаю. Я думала об этом нынче ночью. Разочаровала ли бы меня наша встреча? Нет. Никогда. Потому что, вы мне очень близки.

И реальная встреча уже мало что изменит.

Выдумали ли мы друг друга? Нет. И вы, и я достаточно повидали в жизни, чтоб знать людей. И вы, и я здесь очень откровенны.

То есть, я хочу сказать, говорить и встречаться здесь труднее, чем в реальности. Где ложное впечатление легко закрасить тут же словами, жестами, внешностью.

А здесь мы с вами, как Адам и Ева – что есть. Нет красивых одежд, чтоб прикрыть несоответствия душ. И все сразу видно, есть ли фальшь.

Нет. Нету.

Все, что бы это ни было, – настоящее.

Без прикрас.

Мне радостно вот так, улыбаясь, говорить с вами. Как сейчас.

Только вот сейчас я понимаю, как же это хорошо – быть собой. Потому что вы все чувствуете. И мне не надо притворяться иной, чем я есть, с вами.

Я вам верю бесконечно...»

Приходят по ночам ко мне,
В холодной синей тишине
Летящие к Тебе слова.
Их позабыв едва-едва,
Я снова о Тебе шепчу,
Задув забвения свечу,
Что всех ветров они сильнее,
И всех обид – твои больней
Забывшие меня слова,
В которых пишется «О Вас»
И без которых мне не жить...
Разлук стальные этажи
В кошмарном вновь являлись сне
При полной желтизны луне —
Одной. Мурашки по спине.
Но повторит опять молва
Летящие к Тебе слова!

«...Вот сейчас я понял, что был неправ. Рано мне еще так вот баловаться. Я-то думал, что все уже, вылечился – ан нет. Сейчас вот лежу. И даже встать не могу. Вечером, за ужином, мне стало так нехорошо, что пришлось глотать лишнюю пилюлю. А мне надо жить! Мне туда обратно ну совсем не хочется!

Ну вот. Покаянную голову меч не сечет.

Вот только рисовать не могу – не слушается, проклятушая рука. А так хочется нарисовать вам что-нибудь красивое, светлое и жизнеутверждающее...

Я давно не рисовал просто так. А вот вам рисую. С удовольствием. С наслаждением. И даже с вдохновением.

Вот вы какая оказались Муза! Самая настоящая. Взаправдашняя.

Странное дело – мне здесь стихописание дается больше на местном наречии.

Я как-то пытался написать по-русски вам стих, но по прочтении изничтожил. Графоманская чушь и банальность. То ли дело

Meu Amor, meu amor
S'ha robat el meu cor!
Pero sence teu amor
Tinc dolor del meu cor.

Вот так вот. Перевода, я думаю, не надобно. И поется великолепно. Это я сейчас сымпровизировал. Для вас.

О чем еще написать? О море. Сегодня я ехал мимо моря. Оно было синее и спокойное. В это время года в нем удивительно прозрачная вода. Кристальной чистоты. Так и хочется в него плюхнуться и плавать, плавать... Но нельзя – кто ж меня пустит. А хочется. И вас с собой взять в эту кристально чистую воду. А на берегу-сосны. А на берегу-скалы. И воздух такой свежий, что снимает всяческую боль...»

«Спасибо вам, мой милый, за стихи. Они так мелодичны, что вы правы – я поняла. Хотя я ведь по-испански только несколько слов знаю.

Вы мне интересны и необходимы со всеми жизненными мелочами, со всеми мыслями, впечатлениями. Все, что касается вас, мне близко и дорого.

Всегда...»

«Я вас не оставлю. Вы, что называется, влипли. И даже если вы куда-нибудь вздумаете отдалиться или убежать – все равно найду.

Приходите ко мне в гости. Когда вам плохо. Когда вам одиноко. Когда вам тоскливо.

Я всегда по другой конец провода. Который теперь наш с вами звездный мостик. И не беда, что я виртуален, как тот поток электронов, что несет ко мне ваши слова.

Важно другое.

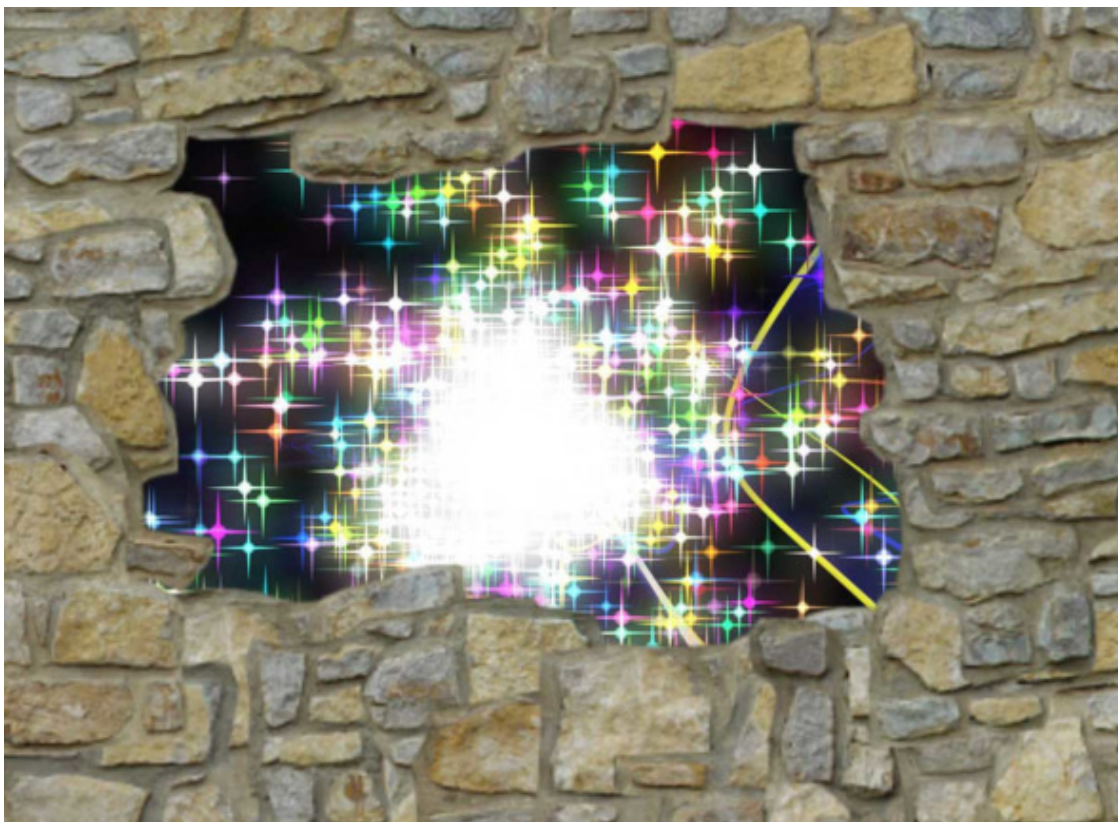
Важно то, что мы эти слова находим. И находим их друг для друга. Это такая редкость в наше время и в нашем возрасте, что это надо беречь. И хранить.

Как я храню все ваши письма...»

Нежность высеку из камня,
Из воды огонь добуду.
Избежать ненужной казни

Мыслей о тебе – нетрудно.
Посмеется на рассвете
Чья-то птица на окошке.
Холодно повеет ветер,
Машет шарфиком в горошек.
Все опять, как будто не был
Для меня ты близким самым.
Незачем над волосами
Плакать горько, запоздало,
Голову теряли сами,
Добровольно. Значит – даром.

Часть 5

«...если б я могла, я бы писала вам целыми днями.
Просто, ни о чем. И о чем-то.
Говорить, вспоминать, делиться впечатлениями, годами жизни, прошедшими без вас.
Странно представить, что было время, когда я жила без вас.
Наверное, этого не было. Безвременье.
Время ожидания вас...»

«С добрым утром!

Почему с добрым утром? Да потому, что я со своей проклятой мигренью всю ночь не спал. Провалился на диване до полудня, даже без компьютера – ибо его у меня отобрали. Читал книгу. Большую и толстую. С картинками. И периодически ходил обливаться холодной водой – слегла помогало.

А после полудня таки-отключился. И проснулся только что. Весь день проспал, как бревно. А тут – два ваши письма – прямо подарок!

Вот у меня есть приятель. Мы с ним вместе учились. В институте. он сейчас большая шишка. так у него есть выражение такое – «по-взрослому». Хочу, говорит, чтоб у тебя все было по-взрослому.

А я не понимаю, что такое по-взрослому. Ну две машины у него. Ну дача. Ну шишка он... Ну и что? Зато он не перестает таскаться по психиатрам и прочим специалистам разного пошиба, включая колдунов и знахарей. И в общении он стал... странный какой-то.

У меня никогда такого не было. По-взрослому. Я, по всей видимости, так и не повзрослел, а сейчас взрослеть и вовсе некогда. Кругом столько интересного, что тратить время на взрос-

ление ну нисколючки не хочется. У меня никогда не было ни машин, ни дач, ни мебели... Все это я считал и считаю суетой сует.

Не стоит жизнь того, чтобы проводить ее вот так – по-взрослому. Я радуюсь каждой новой книжке, каждой новой песне, каждой новой встрече... А про это вот «по-взрослому» никогда не думал. И уже никогда, наверное, думать не буду. Не повзрослею.

И еще я играю в забойные компьютерные игрушки.

И до сих пор люблю всяческие приключения. Несколько лет назад я здесь вытащил утопающего. Однажды вечером, уже здесь, и совсем недавно, отбил ночью девчонку-испанку у двух арапов, которые ее куда-то тащили.

Вот такой я взрослый!

Как сегодня у вас? Я теперича не лягу спать раньше часу ночи, посему пишите мне. Пишите-пишите-пишите-пишите! Я жду ваших писем. Жду-жду-жду-жду!

Так, сейчас меня прогонят. Но я хитрый. Я сделаю вид, что компьютер выключил, а на самом деле, запишаю его под диван. А потом втихую вытащу его. И проверю почту...»

«С добрым утром!

Знаете, это вот счастье. Счастье, когда есть кому сказать просто «с добрым утром». Пусть по проводам, пусть на клавиатуре – но есть кому. Хуже, когда некому сказать: «С добрым утром». Даже если тот, кому хочется это сказать находится на расстоянии вытянутой руки.

Вы знаете – я тоже ни с кем так не разговариваю, как с вами.

А вам вот пишу. Все. Так, как есть.

Я потом напишу вам про одного трубадура. его история удивительно похожа на нашу с вами. только переведу как следует...»

И вот, однажды пришла короткая записка: «Загляните в ящик, там для Вас письмо.»

Да, письмо было.

Оно состояло из 4 строчек.

«Jo ti amo, meu cor!

I love You!

Te amo, carinyo!

Я Вас люблю!»

Тишина, темнота

Спрессовались в комок

Неуслышанных чувств.

И от них изнемог

Неустроенный мир

Между мной и тобой.

Не устроенный

Нашей с тобою судьбой.

Темнота, тишина

Свет не виданных глаз

Там, за тысячу верст,

Согревает сейчас.

Тишина загустела.

Застыла в руках,

В недосказанных нами

С тобою словах.
В недописанных строчках.
В забытых стихах.
А еще – в многоточьях —
Рассыпана в прах...
Темнота паутиной
Затянет нас вдруг
И нет воли, нет силы —
Лишь трепетность рук...
Ненадежная близость
Опасной тоски...
Отчего стали ниже
Сейчас потолки...?
Ни вздохнуть. Ни шепнуть —
Пересохла река
Недосказанных чувств,
Как душа, глубока...
Тускло светит луна
На другом берегу...
Я – одна – слово «НАМ»
Донести не смогу...

Часть 6

Какая сумасшедшая была осень!

Когда летели друг к другу вновь открываемые слова: «Любимая... Какое счастье испытать то, что, казалось, давно уже забыто!»

«Жизнь моя, моя бесконечная Нежность... единственный мой...»

Они мечтали о встрече, если сложится благополучно, то увидятся решили в Париже: только этот город казался достойным Первого Свидания. Удивительного, важного, словно новая эпоха в жизни. Первого... и вероятно, единственного: оба были несвободны.

«...В чем недостаток наших писем; их нельзя почитать без компьютера, и еще: они хранят тепло вашей души, но не рук. Как же я завидую нашим предкам, которые могли хранить бумажные письма, носить их с собой и даже целовать... глупо, наверное, пожилая дама целует письма... но как же это, должно быть, счастливо! Прижаться губами к бумаге, которой касались ваши руки... Душа моя, как же я по вам тоскую... Бесконечная, светлая моя любовь..»

«Как бы что ни сложилось, я всегда, всегда буду вам благодарна, мой дорогой друг.
За жизнь. За себя. За Вас.

За бессонницы, и радости, и мысли о вас, и письма, и бесконечное счастье. Оказывается, «опьяняющее чувство счастья» – вовсе не литературный образ...

Сумасшедшее письмо написалось нынче ночью.

Но я знаю, вы поймете...

Я думала о том, что вы сказали: мы могли бы встретиться в Париже. Это так невозможно хорошо, что трудно себе представить!

Что я смогу когда-либо вас увидеть.

Я ведь даже думать не могла, что когда-нибудь возможно будет посмотреть вам в глаза. Это слишком хорошо!

Но знаете, что?

Давайте не будем бояться мечтать!

Потому что мы ведь уже немолодые люди, и делать глупости (или НЕглупости) нам уже пора.

Чтобы не пропустить что-то важное.

И не сожалеть о том, что могло случиться и не случилось.»

Что будет, если встретимся с тобой?

Раздастся гром небесный. Снег растает

Зимой и зацветет в саду сирень.

И вместо ночи станет белый день.

Появятся вдруг с юга птичьи стаи,

А воздух будет теплый, голубой...

Так будет, если встретимся с тобой!

Как будет, если встретимся с тобой?

Вдруг, как на театральной старой сцене,

Застынут тени. Встанут поезда.

И загудят от боли провода,

Передавая тыщи сообщений,

В которых лишь «люблю»... И навсегда.

И к прежнему не будет возвращений.

Так было б, если б встретились с тобой...

Сгорела б жизнь дотла... Рождаясь снова.

Воссоздались бы заново основы

Вселенной. Звезды б падали с небес,

И возрождался тот волшебный лес,

Куда с тобой прийти могли едва ли.

И мы б с тобой поспешно узнавали,

Что значит: быть вдвоем... Но – сон... исчез...

И мы так и не встретились с тобой...

СКАЗКА О ВСТРЕЧЕ

И вот однажды они встретились – Дама и Художник.

Наяву, не в звездной сказке.

Ведь случается и так, что сказка становится явью, сказочные герои оживают и приходят в нашу жизнь...

Вот и с ними так случилось.

Их Любовь не ушла от стуж, горестей, бед и разлуки, она выжила и после самых страшных испытаний для любящих – опасности потерять друг друга навсегда...

Любовь сделала реальными и сказочный мир, и Даму, и Художника.

И Он написал прекрасную картину – о нежности и страсти... о желании, чистом и обжигающем, как лесной пожар, и таком же неукротимом.

Пришли к ним новые слова – полные тоски, нежности и ласки, взамен сдержанной и робкой нежности.

И это было верно – все в жизни и любви должно быть рассказано здесь и сейчас. Немедленно. Потому что – как часто судьба не дает нам другого шанса сделать самых дорогих людей счастливыми – просто сказанным словом, откровенной лаской и нежностью.

И им дано было встретиться в жизни.

Ненадолго. На день... Полный солнца и света, улыбки и счастья... робкого прикосновения рук, взглядов. Короткий – каким всегда бывает единственный день в жизни, подаренный Звездами на счастье.

На ночь – самую длинную – потому что в ней поместилась вся жизнь, непрожитая вдвоем.

Самую короткую – потому что каждая из дорогих секунд проходила так быстро!

Полная узнавания, жадного и бесконечно нежного, так, чтобы на всю жизнь запомнить... прикосновением губ, рук, взглядов...

Отрывочных слов, стесненных и сумасшедших... Смятенных улыбок, прерванных поцелуем... Бесконечно острым ощущением счастья – оттого, что предстоит разлука – скорее всего – навеки.

Набегавший сон, как волна, уносил то одного, то другого из них на несколько минут – и тут же наступало пробуждение: так жаль было засыпать и терять даже и несколько дорогих и неповторимых минут.

Она любовалась Им – Его улыбкой, движением рук, губ, набежавшей на лоб морщинкой, складкой печали между бровей... до волосков на Его руке Он был дорог, близок, любим... единственный в мире дорогой и прекрасный человек.

И Она шептала: «Прекрасный мой...» – навстречу Его улыбке.

И целовала Его руки – жадно запоминая запах кожи, прижимая их к щеке, к груди – чтоб помнить Его всем телом, всей душой.

В старых сказках говорится, что за час, минуту – можно прожить жизнь.

Ее можно прожить за один день – вместе. За одну ночь – прожить и узнать, как могло быть, если бы...

Наступило утро – яркое, беспощадно прекрасное утро, которое несло разлуку...

Вероятно – навсегда.

«Как странно, – сказала Она, – «сегодня должен быть дождь, тучи – чтобы оплакать наш последний день вместе.».

И все же... и все же...

Все верно – это счастье, что нам было дано узнать, как это Может Быть. И расставание – нет, не горечь...

А счастье, потому что встреча – Была!

В смятении Он смотрел, как Она медленно опустилась на колени...

благодаря Его – и Любовь – за счастье узнать Жизнь.

Наверное, можно бояться сильных чувств, бьющих через край. Наверное, с ними трудно в повседневной жизни. И мы инстинктивно выбираем более спокойные отношения, ровные и стабильные.

И это верно – для долгой, неизменно благополучной жизни.

И все же – когда нечего терять, когда жизнь уже прожита, и многое за плечами – жаль того единственного часа, когда ты побоялся рисковать, быть счастливым. На час.

Чтобы проиграть благополучие и надежность – и выиграть Счастье... пусть даже и на мгновение.

Самолет поднялся в сверкающее ясное утро, оставляя за собой прожитые день и ночь вместе. А на самом деле – целую жизнь.

Вечером Дама и художник снова были вместе – на своем старом мостике, сложенном из крепкого лунного камня.

Все было, как прежде вокруг – и звездные полянки, полные несбывшихся снов, и разноцветные звезды мечты.

И все изменилось – потому что приобрело и цвет, и запах, и жизнь – так же, как и привычный нежный поцелуй в письмах, теперь уже горьковатым привкусом расставания трепетавший на губах...

Часть 7

А тем временем ему становилось хуже... и однажды Он рассказал Ей о том, что задумал новую картину: «Дерево»:

«...Вчера я видел дерево. Очень старое дерево. Оно стоит на почти голой скале, вцепившись намертво в камень своими корнями, похожими на стариковские руки с длинными, музыкальными пальцами. Его обдувают все мыслимые ветры, соленые брызги окропляют крону его. А оно стоит. Какие соки питают его на протяжении стольких лет – неизвестно. Ведь камень – это камень. Бездущный минерал, зародившийся в горниле сотворения Земли, не может питать дерево.

А дерево стоит. И на его кривых и уродливых ветвях шелестят листья. И даже поют птицы. Оно живое – это дерево, невзирая на многочисленные напасти и отсутствие благодатной и плодородной почвы.

И я беру с него пример. Ибо сейчас, как никогда, я должен быть похож на него...»

«И придется мне писать новую сказку.

Как в скалистом темном краю, где редко увидишь солнце, а небо всегда серое и низкое, и густое настолько, что его можно резать ножом, случайно заблудилась голубка. И стала она искать, где же ей переночевать, потому что ночи были темными, и рыскали там злые молнии.

Не было ничего в том краю, одни лишь голые серые скалы. И яркие звезды просвечивали в тех местах, где молнии разбивали небесную серость.

И тогда врывался ветер, пахнувший озоном и свободой.

А к утру снова надвигался серый туман и серость казалась незыблемой.

И росло там всего лишь одно дерево.

На самом краю скалы.

Не буду о нем рассказывать, потому что его описал один звездный художник, и сделал это так хорошо, что оно стало настоящим. Таким, что на нем и свила себе гнездо голубка. Между корявых, но таких крепких и надежных ветвей. Которые не пропускали даже злые молнии. И над деревом не смогла сгуститься даже серая мгла: ветки не пускали ее. А ночью были видны звезды. Яркие, как мечты.

Вот вам новая сказка, мой милый друг.

Сказка, пришедшая ночью, когда почему-то немеют руки, кружится голова, и не верится, что рассвет придет.

Хороший ли это конец у сказки, друг мой?:)

А другого и быть не могло.

Ведь не так часто встречаются на свете синие птицы и большие сильные деревья. И разве возможно позабыть о ветрах свободы, пахнущих терпким озоном жизни. И художника с плюшками и чаем у открытого в сад окна.

И трубадура, поющего свои песни солнышку.

И звездный мир.

И старый мостик.

На котором по-прежнему каждый день, несмотря ни на что, встречаются двое.

Что бы ни случилось, как бы ни повернулась жизнь, какая бы ни случилась погода на дворе, – они будут там всегда. Чтобы сердцем увидеть друг друга.

Чтоб удержать.

Сберечь.

Чтобы любить.»

«Привет душа моя, привет!

Ну вот и побывал я опять на том свете. Там, уверяю вас, ничего хорошего. Там темно и холодно. Там ничего нет. Только темнота и холод.

Очнулся от сильной боли в правой руке. Я пролежал с катетером в ней 2 дня. Теперь она вообще не слушается. Не шевелится. Горит огнем...

Ой как не хочется туда, обратно. Ой как... Однако же меня снова упекут в клинику и, наверное, надолго. С моими болячками место мне там.

А пока вот пишу письмо. Вам. Боле никому. Ибо... да вы знаете почему.

Что со мною будет – не знает никто. Даже сами лекари. Меня отпустили-то уладить кой-какие дела, ибо... Все может быть.

Но будем.

Будем драться.

Есть за что. Жизнь прекрасна.
А когда есть Вы – она еще прекраснее. Как вы сами.
Целую нежно!
И еще целую нежно. Ибо не знаю, как и когда буду.
И прошу вас – живите! Вы должны жить! Мне бы хотелось, чтобы на этом свете обязательно был человек, который будет меня помнить...»

«Мне надо было много лет искать вас...
Это была долгая дорога к вам...
Я ошибалась, принимала за вас других – было. И снова шла искать вас...
Она не была звездной, эта дорога...
Не была легкой. Но – неухоженной, ухабистой, часто грязной.
И надо было принести к вам все, не испачкав и не расплескав по дороге.
Меня очень часто спрашивали, почему я одна. Мол жизнь-то проходит. И я отвечала, что если мне даже очень хочется пить, я не стану пить из грязной лужи, а подожду до чистого ручья.
Мне говорили: «Глупо, жизнь проходит, молодость, надо брать все, что можно. Потом будешь жалеть, а поздно. И вспомнить будет нечего.» А мне не хотелось вот так расплескать по грязной дороге то, что предназначено только одному.
Мне говорили: «А что, если ему не нужно будет все, что ты для него берегла? И ты сама – не нужна?»

А я знала, что – пусть!
Вот только буду знать, что Вы есть на свете, и Вы такой, как я ждала.
Пусть не со мной, но Вы – есть. И это главное. Пусть я скользну по краю Вашей жизни, не потревожу. Но всегда буду знать – Вы есть.
И буду счастлива этим. Потому что все было не зря. Вся жизнь до вас...
И я благодарю вас за все, и – за Любовь.
За счастье быть с вами рядом.
За великое счастье узнать вас.
Да хранит вас Любовь моя!»

Никогда прежде это чувство не охватывало их с такой полнотой.
Так, что руки касались бережнее клавиатуры компьютера, словно руки близкого человека через тысячи километров...
Словно сердцем увидев его, разглядев то, что он сам давно забыл... или никогда не думал.
Острое счастье безнадежной, осенней, прощальной любви.
И – счастье, несмотря ни на что.

У меня сегодня странный день:
В жизни все, как будто, набекрень:
Пылесос летает по ночам,
Телефону надо отвечать,
«Никого нет дома» – и опять
По ночам сидеть и ждать – не спать.
Полосой на солнечной стене
Пробежит трамвай – как слово «нет».
Обманул коварно – и сбежал.
Обозначив чувство словом «жаль».
Сквозняки и жестяная речь

Репродуктора. Себя беречь
Обещаем. Много говорим,
Двери у вагона отворив.
Встанет душный серенький рассвет,
Странный день закончен. Сигарет
Пачка нераскрытая лежит.
Что же делать... Надо просто жить.

«...Перечитываю ваши письма, и думаю, думаю...
О вас. О нас. О том, что наш с вами виртуальный роман стал очень реальным.
Более, чем та жизнь, которую я сейчас веду.
С враньем, путанием, сложностями, глупостями.
И мне так жаль этого времени, уходящего в никуда, ни на что, этих вот дней, проведенных
без смысла и интереса.

Это ведь мое время и мои дни уходят. Без смысла и радости. Без вас.

Знаете, мне сейчас очень захотелось жить. Быть. Что-то делать. И знать, что вот я рас-
скажу вам о том, как прошел день, о чем я думала, что делала, с вами поделюсь, улыбнусь
и посоветуюсь.

Вот это та жизнь, которую мне бы хотелось вести. Если бы мне удалось быть свободной
в моих желаниях. И всегда в моей жизни, во всех мечтах и фантазиях – вы.

Сегодня солнечное и морозное утро, снежок немного лежит, и так славно на душе.

А в ящичке письмо с известиями о вас. Такой счастливый день!

И я говорю вам: Доброе утро!»

«Хороший поэт Мораес. Я вам переведу как-нибудь
несколько его стихотворений. Одна из строк его песен гласит:

«На смену грусти когда-нибудь радость придет, вы только ждите.
Даже польза есть от грусти, ибо за ней ВСЕГДА приходит радость.
Ибо так устроен наш мир, который вертится вокруг нас.

И не нам его, это вращение, остановить.

Так давайте лучше остановимся сами, и почувствуем, как вертится вокруг нас
Земля.

И от этого наступит радость, от того, что мы еще можем это ощущать,
Как последний жгучий глоток Кашасы в опустевшей бутылке...»

«...знаете, наш мостик, он сделан из прочного старого лунного камня. Прочнее не бывает
на свете.

И от этого удивительно приятно, оттого, что есть на свете прочные и незыблемые вещи.
Наш мостик. Звездная сказка. Наша с вами переписка. Которая уже насчитывает сотни писем.

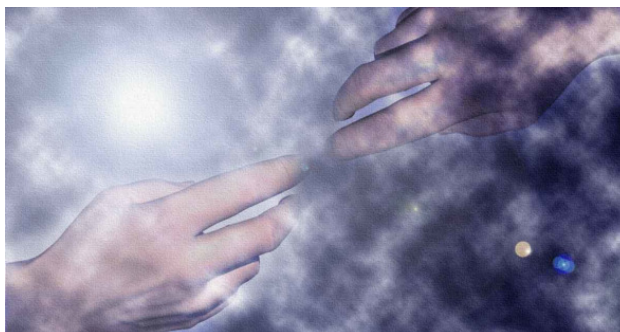
Это есть, это случилось, и никогда уже не уйдет. В нынешнем зыбком мире этакой ост-
ровок незыблемости. Звездный островок.

Ну что, мой милый друг, сказка продолжается?

И может быть, я для вас напишу продолжение. Тогда она станет похожей на бразильский
сериал (которые я не выношу всей силой души, впрочем, равно как и все другие сериалы...»

А мир вокруг такой зеленый,
Невыдуманы нами клены,
Сквозь листья солнце ярко светит...
Мне так с тобой легко на свете!
Мне так с тобой – на сердце нежно,
И пух летит по ветру снежный,
Играет ветер с облаками.
Упал с души огромный камень —
Там стало пусто и просторно.
Свободно стало. Тени черной
Чужой судьбы уже не видно.
Немного больно и обидно,
Что сказки были просто ложью.
Что в них не лань была, а лошадь.
И не поэзия, а проза.
И это было – несерьезно.

Часть 8

«...Вот как вот написать? А? Не знаю, не знаю... В общем, прижилось все неправильно. Надо переделывать. Дело безотлагательное. Меня хотели еще вчера отвезти, но мне надо было кое-что уладить и написать вам. Завтра в 10 утра карета увезет меня опять, на этот раз не знаю насколько. Ну, мне теперь не привыкать – я ТАМ уже был, погощу еще немного. Надеюсь, что надолго ТАМ не задержусь. Риск большой, но риск того, что все кончится насовсем, еще больше. Не хочется думать про это. Посему, я напоследок ЗАПОЛЗ В БАР, ВЫПИЛ КЕНИЙСКОГО КОФЕ И ВЫКУРИЛ ЗДОРОВЕННУЮ ГАВАНУ. Черт его знает, как оно все кончится, посему я и... терять – то уж нечего! Помру – так хоть будет, что в аду вспомнить. Выживу – так будет что вспомнить опять.

Ладно, оглядываясь назад, могу сказать одно – жизнь удалась. какая б она ни была – она была. С ошибками, бедами и радостями. И вот, в самый ее критический момент я встретил Вас... Кстати, трубадуры всегда говорят своей Даме «Вы». И это останется навеки для настоящего трубадура. «Вы». Этим все сказано.

Так, что-то я начал малевать, похожее на завешание. Не годится. Не фиг. А ну радоваться! Всем радоваться! Тому, что ещё живой, тому, что могу писать тому что... Всему, всему надо радоваться, Солнышко, пока есть она – одна-единственная жизнь!

Я не прощаюсь, я ненавижу слово «Прощайте». Прощаются с покойником, которым я не собираюсь становиться уже в который раз... НЕ ДАМСЯ!

До свидания, Солнышко. Я уже знаю дату и время операции, и что мне будут делать. Но не скажу. Не хочу Вас волновать. Вам лучше об этом не знать, Солнышко...

Об исходе этого мероприятия Вас осведомят. В ЛЮБОМ случае. А всем на форуме большой привет от меня и апостола Петра (или Люцифера)))

Целую нежно. Я до полуночи еще в сети. Потом нет – надобно отдохнуть. А потом – а пес с ним, «потом» еще должен наступить...

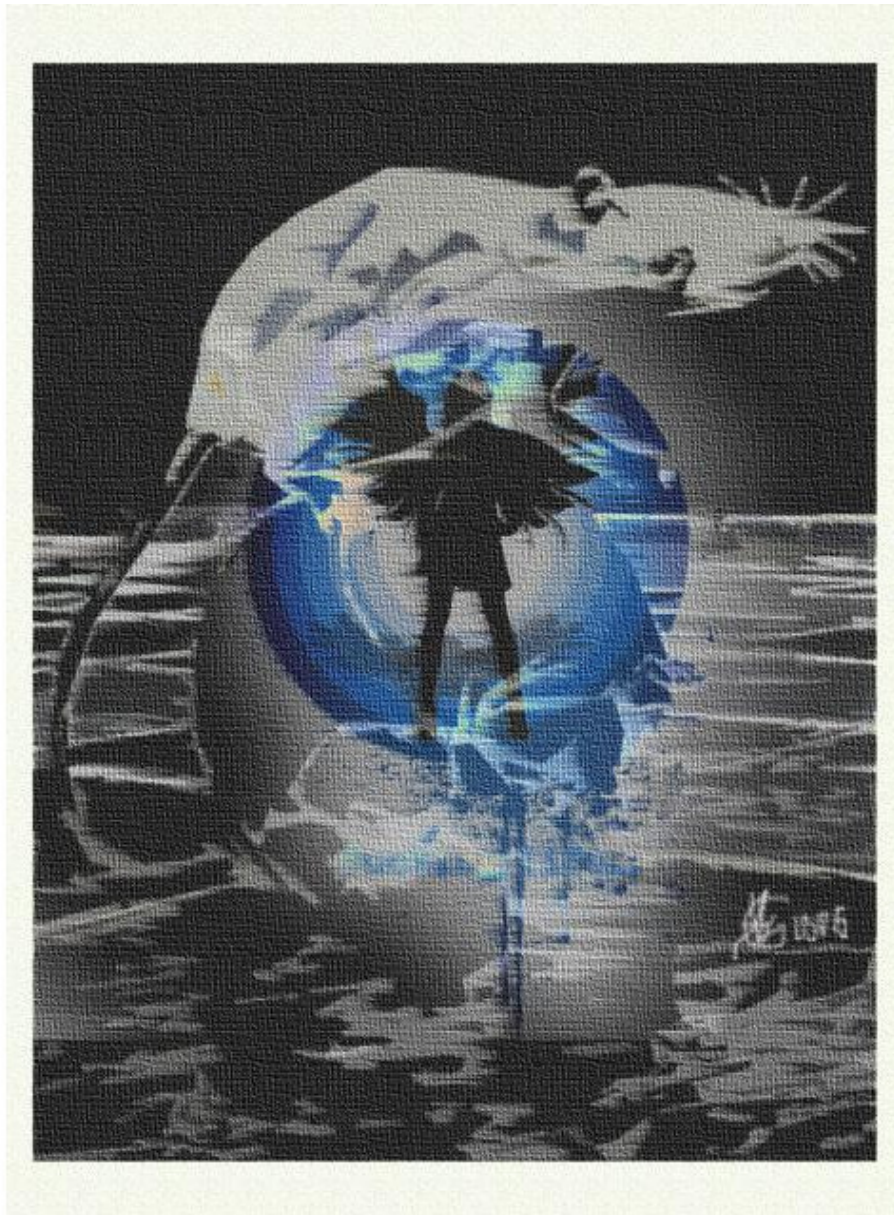
Я вернусь...»

Через много лет он сдержал свое слово.

Я вернусь, я приду
Я останусь с тобой...
Я росой упаду,
И звездой голубой

Я приду, я вернусь —
Чтоб с тобой навсегда.
И в любви не клянусь —
Что слова – лишь вода.
Я приду к тебе снова
Со светлым дождем
С яркой радугой
Наших исполненных
снов...
Я вернусь к тебе – снова.
Однажды. Навек.
Дорогой и любимый
Ты мой человек!

История третья Простая. *ПОВЕСТЬ О ДРУГЕ*

Что с тобой? Все ли ладно, дружище?
Кожей чувствую: что-то не так...
Ты молчишь... может, вместе поищем?

Хочешь сильной быть – и одинокой
Хочешь плыть через годы – одна.
В море бурном и даже жестоком
Удержаться в житейских волнах

Ты не ищешь поддержки и жалости
Ты не плачешь в подушку тайком...
Все же... ты приходи, пожалуйста.
Не подумай о чем-то таком —

Я не трону жестокою жалостью.
Беречь ран не буду расспросами.
Приходи... и не бойся, пожалуйста.
Я согрею тебя – по-хорошему

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я посвящаю эту повесть доброму и хорошему человеку, без которого я бы все это вообще никогда не написала: Александру Семенову – простому русскому мужику, как он сам о себе говорит, человеку сильному и мудрому, из тех настоящих русских мужиков, на которых и держится и жизнь, и земля Русская.

Я многому от него учусь – и мудрости, и терпению, и умению прощать, и благородству, и силе души.

Это не его биография, хотя многое из его жизни положено в основу этой повести.

Но это повесть об Александре Викторовиче, и о моем друге Сергее Гелике, и о многих – к счастью для России – настоящих русских мужиках, тех, кто знают и войну, и тяжкий труд, и боль, и потери – и любовь.

Храни вас Бог!

Глава 1

История одной жизни... Случайно встреченного человека, с которым и не увидимся никогда, а так вот – поговорили, как попутчики в поезде, и разъехались – каждый на свою станцию.

Сергей вырос на Севере. Настоящем, где полярное сияние и белые ночи, густой лес и снега по крышу зимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.